

18+

ЯДВИГА ВРУБЛЕВСКАЯ

Уложи меня спать

Ядвига Врублевская

Уложи меня спать

«Издательские решения»

Врублевская Я.

Уложи меня спать / Я. Врублевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517765-0

Еля потеряла мать, однако верит, что та ждёт её. Девочка сбегает от временных опекунов и в одиночку совершает отчаянный поход домой под крыло покойницы.

ISBN 978-5-00-517765-0

© Врублевская Я.
© Издательские решения

Уложи меня спать

Ядвига Врублевская

© Ядвига Врублевская, 2020

ISBN 978-5-0051-7765-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На часах было около десяти, когда Еля открыла глаза. Что-то заставило ее это сделать, какое-то тревожное чувство. Комната была погружена во мрак, а свет от уличного фонаря едва-едва проникал сквозь плотные шторы. С верхнего яруса слышалось мерное сопение Софочки. Она заснула часом ранее спокойным сном подростка, которого ничто не тревожило. Еле спалось плохо. Стоило ей провалиться в подобие дремы, как она неизменно видела свою мать, которой не стало несколько дней назад. Во сне Еля жаловалась ей, говорила о том, что скучает, а мать ее выслушивала и обещала, что скоро обязательно вернется и что они больше никогда не расстанутся. Еля была достаточно взрослой, чтобы не верить этим снам.

Всего пару дней назад она узнала, что значит «насмерть». Это слово, которое она услышала из уст постороннего человека, стоя рядом со своей теткой, поразило ее. Она поняла его значение интуитивно. «Насмерть» означало – навсегда. Навсегда остаться без матери. Навсегда стать сиротой. Навсегда быть тем, кому некого поздравлять с днем матери, навсегда возненавидеть праздники, чаепития и еще множество коллективных торжеств, где требуется присутствие родителей. Она знала это, потому что и так испытывала в какой-то мере эти чувства, не имея отца. Вот что значило это слово. Поток слез ее тетки подтвердил догадку. Когда Софочка – дочь Анны Григорьевны, той самой женщины, произнесшей страшное слово, вела Елю к ним домой, нет, не вела, тянула за руку, подгоняя хмурым взглядом, Еля поняла, что тоже пла-

чет. Дома Софочка помогла ей раздеться, накормила холодным ужином, дала сменную одежду и предоставила самой себе. Все это она делала молча, не зная, что можно было сказать, да она и не стремилась этого сделать. При всей своей милovidности Софочка, как нежно ворковала над ней Анна Гигорьевна, была эмоциональной калеккой. Казалось, что развернись перед светлым личиком Софочки огненная Геенна, она апатично посмотрит на нее и обойдет стороной.

Еля тарачилась в телевизор, думая о том, что теперь наверняка не пойдет в школу еще неделю. А может, и больше, а когда придет туда, ее будут спрашивать, где она пропадала, и тогда она наверняка не сможет сдержать слез. На диване напротив сидел брат Софочки. Степан был старше ее на восемь лет, на руках у него была дочь, с которой он играл в самолетик, подкидывал хохочущую трехлетку вверх и громко приговаривал:

– Полетели, полетели... И сели!

Брат Софочки был высоченным детиной, а трехлетняя Ира на его руках казалась сущей крохой. Громогласный бас с сюсюкающими прибаутками мог бы показаться забавным, если бы Еля в тот момент могла найти забавным хоть что-то. Но сейчас происходящее ей показалось до обидного несправедливым. У Иры Золоторежской были оба родителя, а у нее не осталось ни одного.

Заторможенная реакция Ели на все происходящее показалась Софочке верным признаком того, что ее нужно уложить спать. И Еля не сопротивлялась: сняла с себя шерстяное платье, колготки и улеглась в белой майке и трусах в постель двухэтажной кровати. Она забыла даже о том, что стоило распустить косу и расчесать волосы. Кажется, мама ей всегда об этом напоминала.

На следующий день Еля осознала удивительную вещь: она была совершенно одна. Тетка была не в счет, она ведь не приходилась ей матерью. Да, она была приятной женщиной, позволяющей Еле объедаться печеньем, также она учила свою племянницу вязать и даже позволила как-то надеть ей свое старое платье. Под хламидой синтетического голубого шелка, всего в оборках и рюшах, Еля показала себе невероятно красивой. Она еще долго надоедала матери с совершенно потрясающей идеей: та должна будет ей достать точно такое же, когда Еля будет выходить замуж за Пашку из «б» класса. Мама и тетя Раиса хохотали. Хороший был день. И все-таки тетка не была ей матерью. Нет.

Прошло, должно быть, три дня, когда до Ели окончательно дошло, что мать она больше не увидит. Никогда. Ее увезут на то-самое-кладбище, где все люди, которые никогда не возвращаются, лежат, тихо дожидаясь, пока их навещат родственники. Девочка всегда представляла себе место последнего упокоения как тюрьму. Он думала, что покойника укладывали спящим в постель и закрывали в комнате одного, но стен в такой комнате не было, были решетки. Так что можно было видеть, кто лежит внутри. А потом близкие покойного приходили к нему, рассаживались на скамьи, расставленные вдоль решетчатых стен. Они смотрели на него, меняли цветы в вазе, говорили с ним и уходили. Место ей представлялось мрачным и неприятным. Однако впервые в жизни у нее закралось подозрение, что ее представление о кладбище неверно. Воспоминания о погосте при церкви дало ей смутное понимание, что могло стать так, что людей вовсе не запирают в камерах, с ними делают что-то другое. Что-то намного страшнее камер.

«Неужели они сделают это и с моей мамой?» – думала она, лежа на первом этаже кровати. Еля тяжело и быстро задышала, паника накрыла ее с головой. До боли сжав молочные зубы, она вытирала слезы, размазывая их по лицу. Нет. Нельзя. Нельзя, чтобы они сделали это. Ведь ее мама – самая красивая женщина на свете. Нет никого лучше нее, и она сказала, что вернется за ней, что обязательно придет. Ведь не может же быть так, что Еля ей не нужна. «А если она не может прийти?» – подумала девочка. Тогда идти нужно самой. Решение пришло к ней еще днем. Нужно было только подловить момент. Комната Софочки очень удачно располагалась – у самой кухни, выход из которой вел в сени, а там уже крыльцо и двор с калиткой... «И с Пира-

том», – подумала Еля. Она содрогнулась от воспоминания о собаке. Кавказская овчарка была очень злой и кидалась на всякого, кто имел неосторожность заглянуть во двор. Еле стоило быть очень тихой, чтобы Пират не проснулся и не залаял, надрывая глотку и поднимая шум. Нужно лишь миновать пустую кухню, а если ее вдруг и увидят, она всегда сможет сказать, что пошла в туалет. «Не разбудить бы Соню», – думала Еля, осторожно садясь в постели и ежась от прохлады. Кровать нагрелась, а вот в комнате было зябко. Она нащупала тумбу, стоящую прямо около кровати, и нашла заранее подготовленное платье и колготки. В складках платья лежала ее коса. Накануне Еля вдруг испытала сильное отвращение к собственным волосам. Они показались ей чужими, враждебными, душившими ее. Желая походить на мать, она ждала, когда же длина волос догонит ту, что носила Галя, но так и не дождалась этого. А теперь ее никто не причесывал, и волосы превратились в тусклый войлок, кое-как перетянутый капроновой лентой. Поэтому Еля нашла швейный набор Анны Григорьевны, взяла портновские ножницы и отрезала косу. А потом выслушала ахи и охи женщины, сокрушавшейся о том, что она теперь скажет Раисе Сергеевне. Девочка сама расчесала волосы, сплела из них косу, перевязав лентами с обеих сторон, и спрятала в складках платья. Никто так и не поинтересовался, куда она их дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.